

18+

НИКИТА КОВАЛЕВ

Можжевеловый роман

ЦИКЛ ПОВЕСТЕЙ

Никита Ковалев

**Можжевеловый
роман. Цикл повестей**

«Издательские решения»

Ковалев Н.

Можжевеловый роман. Цикл повестей / Н. Ковалев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686080-3

На краю света, где бескрайние леса прорезаны необъятными реками, Человек и Зверь ежедневно отстаивают право на жизнь. Любовь там крепка, дружба бесценна, а предательство ничтожно, поскольку тайга карает все пороки, встающие на пути порядка. Каждая из представленных в книге повестей переносит Читателя на земли далёкого Алдана, где мораль едина для всех, а закон суров: «Делай выбор и живи с ним». Это истории об одиночестве и о счастье, о случае, который меняет всё.

ISBN 978-5-00-686080-3

© Ковалев Н.
© Издательские решения

Содержание

1. ПОТЕРЯННЫЕ	6
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвёртая	13
Глава пятая	14
Глава шестая	17
Глава седьмая	18
Глава восьмая	20
Глава девятая	22
Эпилог	24
2. СПАСАТЕЛЬ	25
Часть первая	25
Глава вторая	27
Глава третья	29
Часть вторая	30
Глава вторая	33
Глава третья	35
Глава четвёртая	37
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Можжевеловый роман

Цикл повестей

Никита Ковалев

Корректор Елена Николаевна Тарасенко

© Никита Ковалев, 2025

ISBN 978-5-0068-6080-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ПОТЕРЯННЫЕ

Пролог

Говорят, на просторах тайги с сумерками загорается голубая звезда. Теряясь в зарослях можжевельника, она то падает к берегам, то возносится на пригорки, где и угасает, растворяясь в одиноком волчьем вое...

В последнее время я часто вспоминаю эту легенду, искажённую с годами множеством пересудов. Ею вдохновляются поэты и искатели смысла жизни, от неё распаляются неприкаянные охотники за трофеями. Что касается меня, то среди эвенкийских оберегов на моей груди по-прежнему поблёскивает одна памятная гильза. Не для похвальбы или защиты от злых духов, а ради напоминания о том, что я сделал и чего сделать не смог.

Глава первая

Эта история произошла со мной в пору уже ощутимой зрелости, какой не стыдно хвалиться холостяку под тридцать. Я тогда работал егерем в Алданском заповеднике, и там, на землях Южной Якутии, начинается моё повествование.

Стоял ноябрь, когда к востоку от заповедника прогремел взрыв в одной из шахт. С полдюжины чёрных старателей оказались под завалами, и пока одни поднимали шум вокруг спасения золотодобытчиков, другие искали, на кого взвалить вину за случившееся. В момент трагедии я вёл собственную схватку со смертью (не менее отчаянную, хотя в новостях о ней не упомянули). Четверо стрелков шли тем утром под моей ответственностью, и с каждым шагом цивилизованное начало в нас угасало под натиском враждебного мира. От окровавленной опушки я вёл свой отряд к реке. Там, на льду, с тревогой обнюхивая окружающих его охотников, ревел израненный медведь-шатун.

Животное не пожелало мириться с уготованной ему участью – попятилось неуклюже, затем огрызнулось и из последних сил встало на дыбы, но залп ружей положил конец его мучениям. В одночасье всё было кончено: обезумевший зверь ни для кого более не представлял угрозы, я доказал свою компетентность, а наёмники, подтрунивая друг над другом, грезили о наживе. Никто, однако, не спешил убирать палец с курка, пока рыскающие у наших ног собаки не потеряли к косолапому интерес.

Немногим после полудня мои подручные доставили к берегу браконьера, который неделей ранее потревожил несчастного медведя. Заморачиваться этикетом я не счёл нужным, с презрением схватил горе-зверолова за шиворот и, приговаривая «Ну, давай, смотри, что ты здесь устроил!», швырнул его в алые сугробы. Мерзавец ещё долго кичился связями, пока сдерживающие меня егеря не пригрозили ему оставить нас наедине друг с другом. Окончилась та стычка передачей дела моему заместителю. Решили, что так будет лучше для всех, и я спорить не стал – плюнул на затеянный раздел трофеев, после чего убрался восвояси.

Глава вторая

Залёгшие в памяти путеводные отметки привели меня домой дотемна. То, что я обозвал домом, представляло собой маленький сруб, огороженный частоколом и слабо отдающий радушием. Сторожка скрипела от ветхости, цеплялась за полумесяц остывшим оголовком дымохода; по ту сторону крыльца ждал холод. Ключа носом, я с надеждой открыл топочную дверцу – на колосниках ещё тлела утренняя растопка. Раскочегарить печь мне не составило труда. Валежник полыхнул быстро, дунув в лицо сначала холодком от остывшего металла, а затем едкой завесой дыма, от которой на глаза навернулись слёзы. Когда в сторожку пришло тепло, помимо усталости о себе тут же напомнил и голод. Я принялся искать, куда подевал ранец с сухпайком, и ненароком наткнулся на опустелое ложе моего кота Тимофея... Рассказывать тут особо не о чем. Как-то раз, после семи лет жизни бок о бок со мной, этот ухарь вышел понежиться на солнце и домой не вернулся. С тех пор, оставаясь наедине со своими мыслями, я частенько вспоминаю мудрое изречение: от одиночества мало радости, если не с кем его разделить...

После ужина хлопоты по хозяйству уступили место столь же рутинным, но не обременяющим меня тяготам егерских будней. Я подготовил к перевозу подкормку для птиц, перебрал снаряжение и сел писать отчёт по минувшему акту браконьерства, правда, закончить то дело мне не дал вошедший в сторожку человек.

Я почти сразу узнал в том заиндевавшем мужчине своего напарника. Он был из коренных якутов: среднего (а без обуви даже невысокого) роста, с обожжённым солнцем лицом и маленькими чёрными глазками, которые вечно блуждали в какой-то пустоте, выдавая мечтательность бирюка. Мы достаточно долго проработали вместе, чтобы позволять себе пренебрегать любезностью. Я махнул напарнику на шипящий в горниле котелок с похлёбкой – он одобритительно кивнул и, положив перед моим носом запечатанную телеграмму, вскарабкался на печь. Там мгновение спустя он и засопел, сквозь сон улыбаясь от запаха моей стряпни. Я же не сомкнул глаз до глубокой ночи, снова и снова перечитывая адресованное мне послание следующего содержания: «СЫН НУЖНА ПОМОЩЬ ВОЛКИ СМЕЛЕЮТ ПРИЕЗЖАЙ КАК БУДЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ТВОЙ ОТЕЦ».

Ещё с первого прочтения той телеграммы я внушил себе, что обозначенный в ней отправитель не соответствовал действительности. По мнению сведущих людей, мы с отцом были слишком гордыми, чтобы просить друг у друга помощи. Отчасти это верно. Может быть, и не отчасти, но... раз уж я заикнулся о том, поясню причины такого о нас мнения без утайки.

Фото автора

Посёлок моих родителей лежит на берегу Алдана – в местечке, удалённом от ближайшего города на сотню километров. Паводки там случаются сильные; многие, покидающие посёлок в пору затопления, обратно не возвращаются. Одной весной, пока соседи перегоняли вверх по склону домашний скот, мой отец сидел на веранде и вырезал из кости сувениры для ярмарки, поскольку до нашего двора вода не дошла.

Погода в те дни стояла прескверная. Незатопленные массивы были сплошь покрыты грязью, а тучи так и норовили рухнуть на извивающиеся от ветра лиственницы, запах от которых

разносился даже через закрытые окна. При таком раскладе на карауле семейной овчарни приходилось несладко. Но это была моя ноша. Такая же ответственная, как у двух моих старших сестёр, верховодящих в школе; такая же неблагодарная, как у моего младшего брата, остающегося там после уроков мыть полы.

Небо над Сахой уже порозовело, когда мы с дядькой Егором закончили латать брешь в заборе и, покормив скулящих на привязи волчат, пошли отсыпаться перед ночным дежурством. С какой радости Егор Денисович приволок в посёлок то зверьё – сомневаться не приходилось. Вольный в выборе дороги, этот обделённый умом верзила нигде не задерживался надолго – всё бродил по лесам, отлавливая осиротевших детёнышей. Он божился, что продавал их в заповедники и именитые цирки, но честным людям клятвы ни к чему.

До середины ночи наше дежурство шло мирно. Слишком мирно, и, сдурев от скуки, Егор Денисович приложился к бутылке. Поначалу с осмотрительностью, но где-то после десятого глотка чувство меры его покинуло.

Когда под утро псы подняли тревогу, дядька уже не мог связать и нескольких слов. Он постанывал под нашим навесом, уместаясь в нём наполовину, да подёргивал ботинками в такт барабанящему по ним дождю. Так, словно ничего не происходило, словно за главного был я, а не он! Большинство селян тогда сторожило временное стойбище, и, всматриваясь в чуть заметные за дальностью огоньки по его периметру, я (тогда ещё мальчишка) схватился за голову.

Гости заявили о себе к сумеркам – когда дядька Егор собирался с мыслями, а чутьё псов притупилось. Не оплошала в той ситуации только отцовская любимица Лёлька. Чуть подрагивая у моих ног, эта борзая с жадностью водила носом по ветру, но я был слишком растерян, чтобы внимать беспокойству престарелой собаки. В какой-то момент я оттолкнул её от себя, и Лёлька ушла. Молча. А дождь всё лил и лил!

Егор Денисович вернулся в строй немногословным. Приказав мне стеречь волчат, он ринулся вдогонку за чем-то неведомым, но ухмылка от его наказа быстро сошла с моего лица. Стоило заметить, что дядюшкины пленники, которых он якобы нашёл брошенными в лесу, заглушали своим воем непогоду.

Тут-то мне сразу вспомнились Лёлькины тревоги. Я принялся искать её и нашёл. Дверь волчьей клетки, покорёженная и слетевшая с верхней петли, билась о тело этой старушки, но Лёльку не в чем было винить – она всё сделала как надо. Не смутившись моим безразличием, не побоявшись встать на пути матери, пришедшей за своими волчатами. И в награду ей выпала вечная гримаса улыбки под дождём.

К моему появлению волчиха уже вытаскивала из клеточной прорехи одного из детёнышей, не бросив эту затею даже будучи под прицелом. Я не очень боялся её. Скажу больше: чувство восхищения той мерзавкой подавляло во мне ненависть к ней. С отчаянием скуля на оставшееся взаперти потомство, волчица пятилась к забору, глядела на меня чарующими синими глазами, и что-то во мне сломалось тогда. Я видел, как от дядиной пальбы зажигаются окна в соседских домах, понимал, что, найдя Лёльку убитой, отец не пощадит ни волчицу, ни сопящего в её зубах волчонка, но всё равно отпустил их... Старожилы, помнится, любили рассказывать нам, детям, истории о встречах с синеглазым волком. Они все без исключения называли случившееся чудом, считали это предвестником удачи, и всё в таком духе. Что ж, одно из их чудес убило мою собаку, притом совсем не сказочным образом.

Волчица поплатилась за дерзость в шаге от спасения, на секунду ощутив прелесть свободы, как говаривал стрелок, оказавшийся в нужном месте. Пуля пробила её грудь навывлет, задев, видимо, и волчонка, хотя его участь осталась тогда для всех загадкой. Он попусту исчез – утонул в реке, как все посчитали, и едва ли кто-то, кроме меня, сожалел об этом.

К рассвету выяснилось, что Синеглазая приходила в посёлок не одна. Три волчьих туши сложили тем утром к ногам довольных мужиков, лыбящихся в объектив фотоаппарата, а вот

мой отец был зол не на шутку. Стягивая с Лёльки прокушенный ошейник, он не скупился на ругательства – всё досадовал, что его сын слишком своеволен, что ему недостаёт решительности и хладнокровия!

Забавно. Решительность, хладнокровие... Только это теперь во мне и осталось!

Глава третья

Разгоняя птиц, спасательный вертолёт с рёвом колебал под собой макушку леса. Он недолго кружил у меня над головой – вильнул в бескрайней серости и унёсся прочь, обжигаемый бликами холодного ноябрьского солнца.

Пока начальство одобрило мой отгул, с момента трагедии в шахте прошла без малого неделя. К тому времени я уже был наслышан о случившемся, хотя и скудно: знал только о печальной развязке спасательной операции, о недочёте одного из золотоискателей да о найме таёжников на его поиски. Собственно, один из поисковых экипажей и должен был подобрать меня на пути в родительский посёлок – у затерянной в его квадрате сторожки, куда ещё могли пробраться снегоходы.

Большую часть маршрута, безлюдную и пустынную, я пересёк без происшествий, но в какой-то момент память подвела меня. Пресловутый «поворот не туда» стоил лишнего часа, а скоротечность зимнего дня никто не отменял.

Начало смеркаться, когда ноги, наконец, вывели меня в знакомые края – среди сосен виднелся капкан. Лыжня промысловика тянулась на юг, искушая близостью его тёплого крова, но компас велел мне идти своей дорогой. Дорогой шёпота и шорохов, подбирающихся всё ближе с каждой минутой. Я не видел этих призраков, хотя слышал, как они скрежетали зубами на ту полоску света над горизонтом, которая их пока умирала и выше которой уже проглядывались звёзды. День подходил к концу. Не желая казаться зверю лёгкой добычей, я два раза нажал на спусковой крючок – мгновение спустя эхо от моей пальбы заглушил ответный выстрел. До места, где меня ждали посыльные, оставалось не более двухсот метров. Свежие колеи от «Буранов» тянулись к светящемуся впереди окну сторожки, в нос било амбре дыма, и я потерял бдительность. Точно так же, как тот глухарь, что сидел невдалеке на поваленном дереве, но которому повезло меньше: нечто из темноты набросилось на него, и мольбы птицы смолкли быстрее, чем мне удалось поджечь фальшфейер.

Я отвлёл шашку от лица – впереди меня пронизывал синевой своего единственного глаза волк. Столь же чарующе, как тем майским утром семью годами ранее. И это не было наваждением утомлённого рассудка; не игра света была тому виной. Он изучал меня невинным взглядом ребёнка, не зная, вилять ему хвостом или удирать. Каким было выражение моего лица – не представляю, но я опускал дуло карабина всё ниже, пока оно не уткнулось в снег. Так мы и смотрели друг на друга всё то время, что искрился в моей руке фальшфейер. А потом волк исчез. Он подпрыгнул от голосов, окликнувших меня с порога сторожки, и скрылся в зарослях.

Глава четвёртая

Я хорошо помню, как добрался до посёлка родителей тем вечером. Помню, как, ведомый лунной дорожкой на снегу, скрипнул калиткой, и всю непонятность и суетность у меня в голове развеял столб дыма над баней – такой густой, что, взобравшись по нему, можно было бы коснуться рая (о чём мечтали мы детьми). Позёвывая, на крыльцах оббивали подошвы утомлённые хлопотами соседи; где-то гонял посудину оголодавший пёс или бранилась кошка, не без вины выпровоженная за порог, но очень скоро эта суматоха улеглась. Осталась только дремотная тишь, витающая на грани яви и сна и вмиг разбитая какой-то нелепостью.

Открыв глаза, я скоро сообразил, что по ту сторону обожжённого рассветом окна тускнеет совсем не родительский двор. Всё тот же лес трещал за порогом сторожки, а рядом со мной, на нарах, похрапывали двое посыльных. Стояло раннее утро. Такое холодное, что иней под дверью взбудрил меня сильнее доносящихся с улицы звуков. Там кто-то тяжело дышал, шастал туда-сюда, но вдруг всё утихло, и мои мысли заняла поредевшая в кочегарке куча кизяка. Я высыпал в печь его остатки и, до боли прогревшись топочным жаром, выскочил на улицу. Дровница стояла во дворе. Она оказалась вдоволь забитой поленьями, правда, было под тем навесом ещё кое-что. Нечто, от чьего присутствия моё сердце судорожно забилося, – там лежала росомаха. Такая издевательски покорная и безобидная; но шрамы у меня на спине, оставленные некогда когтями её собрата, всё равно начали поднывать. Зверь был мёртв. Убит совсем недавно, и кровь ещё струилась по его шерсти.

Не знаю, сколько я простоял над телом этого существа, воображая, что бы оно сделало со мной, проснись я чуть раньше. Следы схватки на снегу тянулись к частоколу. Там же зализывал собственные раны мой клыкастый спаситель, о котором я не переставал думать с пробуждения. Он гордо дал о себе знать. Несколько секунд Одноглазый заглушал своим воем все звуки рассвета, после чего вновь дал дёру, провожаемый изумлёнными взглядами моих прильнувших к окну попутчиков.

В дорогу мы двинулись засветло – погружённые каждый в свои мысли, да и о чём можно говорить, если из-за моего опоздания посыльные накануне не попали в постели к жёнам?! Что касается волка, весь путь мне мерещилось, как он несётся следом, как упрямо пробивается сквозь чащу, словно ангел-хранитель, оберегающий нас от беды (или, может, меня одного?). Порой я слышал грохот поезда у него в груди, чувствовал запах его слипшейся шерсти... а перед глазами – напуганный волчонок, брошенный в Алдан. Течение уносит малыша в мир боли и страданий, но потом картинка обрывается. Багряная заря уходит в небытие, а тот волчонок навсегда исчезает. Остаются изуродованный зверь да его милостью загубленная росомаха, судьба которой – красоваться на стене какого-нибудь честолюбца. И это уже не сон. Это правда моего мира, где цена жизни – чья-то смерть.

Глава пятая

В посёлок я попал к полудню. Радушно улыбались мне только дети. Остальные в лучшем случае холодно кивали, а в худшем – с усмешкой тёрлись о приклады ружей, слыша, как их скотина в загонах стонет на фантомные веяния с леса. Наверное, люди просто уже не верили, что кто-то может вернуть в их дома покой. Разруха, бедность, опустение – вот и вся картина того населённого пункта, где прошло моё детство. Я шёл по знакомой дороге, ковырял носами унт кочки и ухабы, бывшие на ней, сколько себя помню, и мечтал всё исправить. Жаль, что прежде никто не ставил себе таких высоких целей. Мы просто жили, как это делали до нас, а время шло, и становилось только хуже.

Дом моих родителей стоит на пригорке и виден со всех уголков посёлка. Происходящее за его воротами, естественно, не может скрыться от посторонних ушей, поэтому то, что отец не в духе, я узнал сразу, как распрощался с попутчиками. Он кем-то командовал, с кем-то бранился, и преданные псы горлопанили ему в унисон, чем, видно, заслуживали хозяйское уважение. Отец готовился к вылазке, как выяснилось. Точнее – планировал покончить со стаей волков, из-за которой в нашей овчарне (да и не только в нашей) стало слишком просторно. Надо заметить, что та телеграмма с просьбой о помощи действительно была от отца. Он сам в этом сознался, и гордость сожгла бы его, реши я хоть немного поважничать.

Меня не принуждали присоединяться к охоте сразу, однако дома не оказалось больше никого из моей родни, а я знал, что после нашей встречи домочадцы не захотят никуда меня отпускать. Идущие в поход разбились на две группы по пять-семь человек. С каждым из них мне доводилось дружить, но только в детстве. Поскольку меня уважали за мой егерский опыт, я возглавил одну из групп. Второй руководил отец.

Мы выдвинулись параллельными цепочками на километровом расстоянии друг от друга. Был разгар дня, и следы стаи отчётливо проглядывались на снегу. Мы шли пешком, протягивая за собой на уровне колен верёвку с пришитыми к ней красными флажками; то же самое вдоль своего направления делала другая группа. Это было проверенное средство: верёвка с флажками обматывалась вокруг логова и становилась для волков непреодолимой преградой, чем-то вроде забора с колючей проволокой, который пугал зверей больше смерти. Когда приходило время, стаю сгоняли в условленный угол, и засевшие там охотники расстреливали всех, кто так и не осмелился вырваться за флажки. Те же немногие, кому удавалось бежать, больше в тех краях никогда не появлялись. Такой метод охоты и был принят нами на вооружение.

Моя группа покончила с подготовительным этапом часам к трём пополудни, вскоре к нам на подмогу пришли ещё двое стрелков. С их вестями о готовности погонщиков охота началась. Всё произошло быстро. С дальней стороны верёвочного «загона» пронеслись залпы и крики, и вскоре из-за деревьев показался первый волк. Он замертво упал, едва я успел разглядеть его, потом ещё один и ещё... Выстроившись шеренгой, мои помощники без разбора палили во всё, что несло им навстречу, и лишь я не сделал ни выстрела. Я стоял и молился – не увидеть среди огненных очей зверья околдовавшую меня синеу. И не увидел. Одноглазого в той стае не было, в чём я совершенно убедился, когда тела волков сложили на сани подогнанной упряжки. Принадлежала та упряжка Егору Денисовичу.

Как выяснилось, гончих, привлечённых к охоте, привёл именно дядька. Он же оплатил все незначительные расходы на снаряжение и боеприпасы, и всё – ради дюжины шкур, которые достались ему даром. Учítывая, что я понятия не имел о дядином участии в деле, меня такой расклад возмутил. Мы не виделись на тот момент года так три, а не общались, кажется, ещё со смерти Лёльки. Ему всё тогда сошло с рук. Он продолжил торговать зверьми, но, как известно, удача – товарищ ненадёжный. На сей раз я был уверен, что жадность погубит дядьку. И произошло следующее.

Хвалясь перед охотниками своим отполированным именным карабином, в какой-то момент Егор Денисович помрачнел. Он пересчитал ёрзающих на привязи собак, запричитал об отсутствии там двоих гончих и скоро нашёл их бездыханные тела. Они лежали друг возле друга; рядом, на истоптанном снегу, колыхались оторванные от верёвки красные флажки. Глядя на стать убитых, со скорбью склонили головы, кажется, все участники случившейся охоты. Но не дядька. Того заботил лишь волк, который расправился с двумя его крепкими псами и сумел уйти незамеченным. Думаю, дядька уже представлял, как отловит зверя, прославится им на боях или втридорога продаст его шкуру – такие вещи заметны по глазам. Жаль, он не узнал тогда причину, до могильного цвета окрасившую лицо одного из охотников. Тот мужчина несколько секунд изумлённо вглядывался куда-то в заросли. Направив туда ружьё, он чуть слышно окликнул товарищей, но... мы так и не нашли в кустах ни единой живой души. Возможно, охотника испугал некстати прошмыгнувший мимо соболь или всё ему причудилось под давлением усталости... Возможно.

Фото автора

Глава шестая

Мы вернулись в посёлок к сумеркам. Большинство мужиков, включая моих отца с дядькой, пошли в баню – отмечать завершение охоты; я же отбился от их компании и поковылял домой. К тому времени над Южной Якутией час валил снег. Ввиду отсутствия сильного ветра он стелился по дворам равномерно, и скрежет лопат был слышен отовсюду. До родительских ворот я дошёл по уже расчищенной тропинке, но долго не решался войти – у порога размахивали мётлами два силуэта, в которых я признал старших сестёр. Они вальсировали под снежными хлопьями, дурачились, точно девчонки без забот, а меня от их выходок уносило мыслями в детство. Повиснув на штaketинах, я стоял и вспоминал, как детьми мы допоздна носились по лугу, собирая чайные травы; вспоминал поездки с ярмарки, когда родители усаживали нас в повозку, и мы егозили на куче сена, пряча от солнца и себя самих накопленные сладости. Всё это было с нами и, честное слово, сёстры ни разу косо не взглянули на меня после моей ссоры с отцом!

Ко времени, когда я, наконец, решился войти в дом, они уже сидели возле самовара и перекидывали из ладони в ладонь пирожки, ещё объятые жаром; рядом, у окна, бряцала спицами наша мать. Опущу щепетильные подробности того радушия, каким домочадцы ответили на моё появление, и перенесу повествование к полуночи, когда весь чай был выпит, а восторги перетекли в задушевные посиделки с фотоальбомами.

В какой-то момент нам стало не о чем говорить – сказалось отсутствие моего брата, которого привлекли к поискам пропавшего старателя. Я не волновался за него, зная, что он прекрасный следопыт, правда, женщинам это было не объяснить. Они всё вздыхали, рисуя пальцами невидимые узоры на столешнице, но маму такая игра в молчанку быстро вывела из себя. Она со слезами возблагодарила Бога за то, что я целым и невредимым вернулся домой, и сёстры подыграли ей. Спротивляться было бесполезно. Меня в очередной раз задушили объятьями, напоили чаем, после чего уложили спать. Так закончился тот снежный ноябрьский вечер.

Глава седьмая

Мать взялась стряпать завтрак ещё до переклички петухов. Я проснулся от шипения масла и запаха почти позабытых мной деликатесов из домашней кухни и не смог уснуть вновь. Койка брата по-прежнему пустовала. Я выглянул в окно – во дворе искрились под лунным светом лишь следы разошедшихся после чая сестёр.

На улице было тихо. Снегопад прекратился, и моё лицо загорелось от мороза, стоило сделать на крыльце пару затяжек. Не знаю, чем меня соблазнил отцовский табак, но в те мгновения я и не задумался, что закурил впервые после долгого воздержания. Мысли вертелись в голове: о брате, родителях, о дядьке-плуте и, конечно, об Одноглазом... Тайга глядела на меня со всех сторон и не издавала ни звука. Она была такой же мирной и безмятежной, какой казалась в детстве, когда отец водил меня на охоту, а я всё фантазировал, прячась за его спину, – кому повезло избежать встречи с порохом или что стало бы, если бы да кабы. Забавно, но мне тогда и в голову не приходило, почему отец порой так бледнел от обыкновенного хруста веток. Лишь с годами, познав природу всякой таёжной твари, я узнал ответ. И только природа Одноглазого выходила за грани моего понимания.

В итоге, скупив отцовскую махорку, тем утром в дом я вернулся ещё более рассеянным, нежели когда выходил подышать воздухом.

Потихоньку начинало светать, и болеющие от похмелья охотники стали покидать места гулянок. Вскоре домой вернулись отец с дядькой. Поначалу они держались особняком даже друг от друга, но, слово за слово, о какой-то бытовой ерунде разговор у нас пошёл. А ещё немного погодя наконец-таки вернулся из похода мой брат. Он был возбуждён и, невзирая на усталость, отмахивался от материнской заботы, пока не поведал нам о своих подвигах.

Кирилл справился с поручением, и пропавший золотодобытчик был передан в тот день властям. Со слов брата, исповедь старателя оказалась столь незамысловатой, что в неё все поверили. В обрушении шахты его бригады была виновна якобы сама шахта, а старателю якобы всего-навсего повезло. Если верить показаниям мужчины – когда он вместе с напарником пробирался к выходу, последний попал под обвал и мешочек с золотым песком выпал из его рук. У нашего беглеца оставалось несколько секунд, чтобы решить: вытаскивать товарища или хватать золото и удираť. Старатель выбрал золото. Он бежал с ним без оглядки, пока не набрёл на заброшенную сторожку в лесу, где провёл три или четыре дня, соображая, что ему теперь делать. Мучимый совестью и голодом, в какой-то момент мужчина покинул укрытие и так волей удачи вышел на поисковую группу Кирилла. Касаемо золота – его старатель где-то высыпал, как он отчаянно клялся. Я в это поверил. То ли потому, что этому верил брат (судя по его тону), то ли от безразличия к правде. Дядьку Егора же эта история взволновала не на шутку. Он провёл остаток завтрака в раздумьях, а к обеду вдруг собрал вещи и без внятного предложения покинул посёлок. Могу поспорить, у него в голове тогда сложилась непоколебимая цель – обыскать все хибары улуса, дабы в одной из них отыскать-таки золото старателя.

Мне не было дела до его сумасшествия. Так же, как до предостережения местного промысловика: вскоре после отъезда дядьки тот примчался в посёлок, каждому встречному рассказывая, что его чуть не растерзал в лесу какой-то волк. Всё это было уже не моего ума дело. Выполнив просьбу отца касемо отлова стаи, я хотел провести с семьёй ещё день и собираться в обратный путь, но... вечером слух о волке-одиночке дошёл до меня вновь. На сей раз из уст другого человека, окровавленные рукава которого заставили всех задуматься.

Как выяснилось, кровь принадлежала лайке того таёжника. После схватки с загадочным зверем бедняжка протянула всего минуту и издохла на руках хозяина. Боясь за свои жизни, селяне приняли решение изловить бестию. Старожилы проследили по карте маршрут движения волка, начав с места, где дядька Егор накануне нашёл загрызенными своих гончих. Ока-

залось, зверь всё время продвигался на север, вдоль промысловых троп. Никто не сомневался, что он имел отношение к истреблённой нами стае; многие, включая меня, видели в обезумевшем скитальце её вожака. До границы улуса он должен был пройти мимо ещё двух хижин: одна принадлежала чете якутских отшельников, другая, заброшенная, была скитом давно почившего монаха. Западнее того района я разглядел на карте место, где последний раз видел Одноглазого...

По описанию внешности напавшего на селян волка я сразу понял, что он не имеет ничего общего с моим старым-новым знакомым. Одноглазый был худощавого сложения, с длинными крепкими конечностями, тогда как стать второго зверя изумила даже опытных таёжников. Но вера в невиновность Одноглазого не утешала меня. Наверное, я просто очень испугался за него и, конечно, не мог остаться в стороне от запланированной облавы. Мы снова разбились на группы и поутру двинулись по своим направлениям, ко всему готовые и ни в чём не уверенные.

Глава восьмая

Я сжульничал, когда мужики тянули жребий, кому идти к той затерянной в лесу избушке якутов, и не жалею об этом. Какая-то неведомая сила тянула меня в те края!

День стоял ясный, довольно тёплый (для начала зимы), и лошади извозчика – деда Архипа – неслись так резво, что уже к полудню мы с ним да двое наших подручных начали жмуриться от запаха сжигаемого торфа. За стеной валежника ещё не было видно их конечной остановки, но лошади решили по-своему. Они вдруг разом застопорились, с ужасом фырча на что-то нам неведомое, а мгновение спустя в глубине лощины раздался выстрел.

Всё разрешилось, едва мы сообразили, откуда ждать беды. Кусты позади нас затрещали, и оттуда высунулась мордочка Одноглазого; следом за ним, с пристреленным зайцем под мышкой, показалась старая якутка. Несколько секунд отшельница внимательно, но без интереса разглядывала меня и моих товарищей, лаская рычащего на нас волка. Мы не успели навязаться к ней в гости: старуха первая проявила хозяйскую учтивость, хотя в её голосе не было и нотки дружелюбия. Указав деду Архипу, где будет удобно проехать лошадям, она велела остальным, держа ружья подальше от её любимца, идти за ней, и мы подчинились.

Старуха шагала медленно, отчего тот стометровый путь до её хижины занял целую вечность. Маленькая, сгорбленная и совершенно седая, она стойко балансировала на своих снегоступах, правда, часто останавливалась, чтобы перевести дыхание, а на выходе из чащи и вовсе упала на колени и начала молиться.

Признаюсь, мы с мужиками не сразу заметили на месте нашей остановки могильный сруб (и неудивительно, он весь был занавешен стлаником). Я лично не знал отшельницу и прежде не бывал в её владениях, но только в тот момент меня смутило, что якутка сама ходит на охоту... Она просидела у могилы мужа минуты две, и Одноглазый всё это время задумчиво поскуливал рядом. Иногда он переводил взгляд на меня или моих напарников, но чаще на меня. Его бедро ещё алело от когтей росوماхи, и, предавшись чувствам, я позабыл о таёжном этикете – потрепал волка по макушке, мигом отхватив от него нелестный оскал. Ополчилась за ту выходку на меня и старуха. Она с недовольством начала расспрашивать, зачем мы приехали, надолго ли – и всё в таком духе. Мы не собирались докучать хозяйке и планировали покинуть её сразу после получения указаний от людей из второй группы. Перед выходом из зоны связи они радировали, что напали на след волка-вожака. Нам оставалось дожидаться от них весточки: две сигнальные ракеты – «успех», три – «нужна помощь». Нашим ответом должен был стать одиночный выстрел, означающий, что послание принято.

Дома у старухи оказалось прибрано и уютно; столь резкий запах торфа, какой ощущался на улице, в помещении заглушали травы да бурлящая на печи уха. Судя по соломенной настилке в одном из углов, Одноглазый имел допуск в хижину, но тогда якутка оставила его на улице. Не считая деда Архипа, который страшно тревожился о благополучии своих лошадей, от такого решения всем было спокойнее. Мы расселись у окон и стали высматривать над лесом обещанные вспышки. Терпения мужиков на это занятие хватило ненадолго. Они и меня упорно зазывали сыграть в карты, но я от своего окошка не оторвался. Не буду лукавить, что мне были интересны сигнальные выстрелы, – я наблюдал, как якутка латала снегоступы во дворе, а Одноглазый, лёжа у неё в ногах, со сдержанным вожделением разглядывал лес.

До чего же мне хотелось тогда прочесть его мысли! Это удивительно: первобытная сила тянула волка на волю, но он не шевелился, пока старуха напевала какую-то балладу. Им было хорошо вместе. Они выглядели почти такими же счастливыми, как на той единственной в хижине фотокарточке, где Одноглазый был ещё волчонком, а на руках его вместе с якуткой держал ещё здравствующий глава дома.

Не помню, как я начал произносить мысли вслух, но мои догадки, что Одноглазого нашли и выходили якуты, услышали все. Под напором любопытных взоров тогда мне пришлось рассказать мужикам всю историю. Они слушали её с умилением, и оттого совесть за длинный язык меня не укоряла. Я не понимал только, почему старуха не поделила общего настроения по своём возвращении с улицы. Мы не желали зла её волку и говорили об этом прямо, однако отшельница лишь покачивала головой, бросая на меня холодные взгляды.

Нависшее в хижине напряжение начинало всех угнетать. Не прогреми над лесом те сигнальные хлопки, я бы и сам в скором времени сбежал оттуда, но они прогремели, и было их точно три.

Глава девятая

Дом отшельницы и заброшенный скит разделяло около пятнадцати километров, поэтому на моё предложение – срезать путь по реке – остальные ответили согласием. Оставив деда Архипа с лошадьми у якутки, мы быстро собрали снаряжение и двинулись в путь.

Лёд уже был пригоден для пешей переправы. Местами нам приходилось обходить подозрительные участки, но такие заминки не отняли много времени, и за час с небольшим мы добрались до места. Скит стоял на берегу, из его трубы валил дым, а округа пестрила собачьими следами. Виднелись на снегу и колеи от саней – я сразу подумал на дядьку Егора и оказался прав. Он на своей упряжке заглядывал туда часами ранее, на что указывало состояние постройки: внутри всё стояло вверх дном, пол был вскрыт, а на подоконнике лежал окурок дешёвой сигареты, какие курил дядька. В тамошнем бардаке я не сразу разглядел окликнувшего нас из-за печи человека. Им оказался охотник из второй группы, оставленный товарищами для поддержания тепла в скиту. Он был слегка пьян и поражал беспечностью. На наши расспросы мужчина всего-навсего зевнул и, протянув одному из моих спутников бутылку с сивухой, велел нам успокоиться и ждать прихода остальных.

После нескольких неудачных попыток наладить со второй группой радиосвязь я прислушался к совету истопника. Солнце ещё стояло высоко над Сахой и так припекало через дыры в крыше, что меня обуяла дремота. Я проспал десять-пятнадцать минут, как говорят, но отдохнул больше, чем за все ночи с момента получения отцовской телеграммы. Меня впервые за это время ничего не тревожило, а вопросы, оставшиеся на повестке дня, волновали не более трудностей моего возвращения в заповедник. Проснулся я от гула снегоходов. Прибывшие охотники ещё с улицы заразили меня хорошим настроением. Толпясь за дверью, они бодро обсуждали свою меткость в стрельбе, и поначалу я не разобрал в их речах иронии.

Никому из них не удалось даже подстрелить искомого волка, который пересёк улус и двинулся дальше на север. Когда охотники сказали, что в том же направлении вели и следы упряжки Егора Денисовича, я рассмеялся... Всю жизнь этот человек шёл своей дорогой, не замечая, как она уводит его всё дальше от дома и отовсюду, где ему хоть сколько-то рады. Мужики тогда судачили о нём, но я ни слова не произнёс в дядину защиту или в обвинение.

Мы не задержались в скиту дольше времени, какое было необходимо, чтобы согреться на обратный путь. Предстояло только решить, кому возвращаться за дедом Архипом, и небеса не замедлили послать знак – у хижины объявился Одноглазый.

Люди из второй группы не растерялись. Кто-то болтнул, что, мол, стыдно показываться в посёлке с пустыми руками, и я еле успел отвести дуло его ружья в сторону. Пуля пробила ствол сосны в полуметре от макушки волка. Одноглазый подскочил, как ужаленный, но не удрал. Игриво поскуливая, он начал резвиться перед нами, и я понял: в него никогда прежде не стреляли.

В те секунды мне ясно вспомнился осуждающий взор старухи-якутки; всплыли в памяти её опасения, и они теперь не казались пустыми. Не знаю, что бы я сделал, не начни мои напарники палить по волку – естественно, мимо цели, лишь бы прогнать его прочь. У них это вышло. Они хотели заступиться и за меня, но я приложил палец к губам, и мужики всё поняли... Никто больше не должен был знать подробностей моей связи с Одноглазым, во всяком случае, волку от этого жилось бы куда спокойнее. Он скрылся на противоположном берегу реки и не появлялся до отъезда охотников.

Я с остальными не поехал: отчитанный за мягкотелость, вызвался идти за дедом Архипом, а возражать никто не стал; никто не заметил, как я поднял со снега одну из гильз и благоговейно опустил её в карман. Мы разминувшись в обоюдной неприязни друг к другу, и только виновник моих невзгод разделил со мной одиночество. Держа дистанцию, Одноглазый брёл

следом, ни разу не ответив на доносящийся из леса вой других волков. Иногда мне казалось, что он разучился его понимать, однако... после каждой такой переключки меня в спину било жалобное скуление. Почему-то я принимал его на свой счёт, и у нас с Одноглазым завязывался этакий диалог. Я пересказывал волку свою жизнь, делился с ним вещами, о которых не сказал бы и лучшему другу, а расстояние между нами всё сокращалось, пока не стало совсем ничтожным.

С первыми звёздами мы наткнулись на деда Архипа. Он уже вывел лошадей за двор отшельницы и, упрекая меня за медлительность, выискивал, куда править повозку. Старик не дал мне даже минуты, чтобы проститься с якуткой. Я видел, как она стояла на пороге, томительно смотрела нам вслед, но никак не мог отыскать среди замётённых кустов и бурых стволов лиственниц моего милого волка. Он вдруг куда-то подевался в своей излюбленной манере. И он не изменил себе, когда вновь до смерти перепугал лошадей, разразившись в метре от них воем. Так мы с ним и расстались в тот вечер – проникновенно смотря друг на друга, пока дед Архип захлёбывался руганью.

На следующее утро, расцеловав мать с сёстрами и обняв брата, я двинулся домой.

Эпилог

Было около полуночи, когда заросшая тропа в лесу вывела меня к границе заповедника. Залитые ливнем шишки под ногами уже не резали слух. Они глухо перекатывались из стороны в сторону, иногда отскакивали от носов моей обуви и расшибались о стволы, выдавая себя за шелест дождя, но на звёздном небе ничто его не предвещало.

Минувший отпуск я провёл в родительском доме. Это стало традицией, и, сколько бы я ни заклинал себя не ходить в посёлок через двор старухи-якутки, ноги вели меня к нему сами. То место пришло в запустение на второй год после описанных мной событий. Не думаю, что стоит винить в этом мародёров или какого-нибудь дикого зверя, – хижину отшельницы опустошило время. На обратном пути из посёлка я всегда провожу у неё ночь. Забив топку зловонным торфом, который отшельница на годы вперёд припасла у себя в закромах, я с надеждой таращусь в окно; иногда выхожу на крыльцо, чтобы оставить там какое-нибудь лакомство, но поутру нахожу свои гостинцы нетронутыми. Несмотря на все мои старания придать дому-призраку былые черты, Одноглазый ни разу не пришёл повидаться.

Пропал в том мире грёз и мой дядька. Первое время егеря и промысловики то здесь, то там шептались об одичавшей стае лаек, блуждающей по тайге. На собаках замечали ошейники, и никто не сомневался, что однажды кто-то наткнётся в лесу на бесхозные сани Егора Денисовича. О его судьбе до сих пор ничего не известно, как и о треклятом золоте старателя и спасшемся вожаке стаи, – да никто об этом уже не вспоминает, по правде говоря. Ох, если бы люди оставили в покое и Одноглазого!..

Мне не было и тридцати, когда по свету пошли байки о голубоглазом волке, который быстрее ветра и отважнее росوماхи. Сейчас не имеет значения, кто растрепал мою тайну об этом звере. В конце концов, я первый всё рассказал своим товарищам тогда в сторожке, а слухи, как и подобает, превратили волка в желанный трофей. Десятки охотников и живодёров ринулись по его душу, и я не берусь считать, сколько раз вести о смерти Одноглазого заставляли меня вздрагивать, сколько раз мне в лицо хвалились свеживанием заветной шкуры.

Но я по-прежнему слышу его одинокий вой где-то на просторах тайги.

2. СПАСАТЕЛЬ

Часть первая

Глава первая

Пилот вертолѐта МЧС отрешѐнно разглядывал толпящихся на посадочной площадке журналистов. До земли оставались считанные метры. Когда поток воздуха от винтов окатил зевак грязью, пилот усмехнулся: нечего, мол, глазеть. Но люди не сдвинулись с места, и мужчина, уже не глядя на них, мягко состыковал Ми-8 с землѐй. Шасси почти полностью утонуло в размытой почве. Шѐл дождь, и стоило вертолѐту сесть, как ветер залепил стѐкла грязно-жѐлтой листвой. Тогда пилот заглянул в салон и, воздев большой палец, пробурчал: «Прибыли».

Я впервые увидел Анатолия в тот промозглый сентябрьский день. За мной ещѐ поутру прислали на вездеходе человека, который оторвал меня от подушки новостью, что начальство «требуется к себе». Как выяснилось, на территории заповедника разбился легкомоторник. Среди летевших был политик из Якутска, и, ясное дело, его коллеги спохватились быстро. Сроки поджимали, поисковикам требовался проводник, и назначили меня.

На момент посадки вертолѐта я ещѐ не знал Анатолия в лицо, слышал только, что он вытаскивал с того света уйму людей. Четверо спасателей отвлекли на себя внимание прессы, и в каждом из них мне мерещился хваленый командир поисково-спасательной группы. Но лишь в последнюю очередь из кабины вышел мужчина, при виде которого я понял: это точно тот самый.

Ему было за сорок. Крепкое телосложение, безукоризненно симметричное выбритое лицо с широкими скулами и серо-голубыми глазами; из-под шлема у спасателя виднелась проседь. Прежде чем спрыгнуть на землю, Анатолий несколько секунд заворожѐнно разглядывал обступающий его лес. Он словно прислушивался к манящему зову, который никто больше не слышал. Такое явление в моих краях не редкость. И это не мистика – это страх, слабость от понимания своего ничтожества перед тайгой. Сильные люди боятся этого чувства. Возможно, оно овладело и Анатолием – не знаю, смущѐнный фотовспышками, он быстро пришѐл в себя. Но, сбежав от прессы, спасатель не избавился от внимания, и там, вдали от толпы, дорогу ему преградила девушка в платке.

Это произошло в пяти метрах от меня, и я слышал, как незнакомка умоляла Анатолия найти еѐ отца. Тот был пилотом пропавшего самолѐта – вот всё, что мне удалось разобрать. Девушка тараторила сквозь слѐзы. В порыве чувств она схватила спасателя за запястья, и жѐлтая лента, прежде скрытая под его правым рукавом, оказалась у всех на виду. Эта, на первый взгляд, пустяковая ситуация обескуражила Анатолия. Лента коробила его и вместе с тем будто утешала. В чѐм было дело, я ещѐ не знал, наша незнакомка – подавно, еѐ смутило такое поведение. Опустив глаза, девушка хотела отшагнуть от спасателя, но тот не позволил. Он чем-то утешил еѐ и только тогда с грустной улыбкой направился в мою сторону. Проводив Анатолия умиленными взором, ушла своей дорогой и дочь пилота.

Не знаю, как он догадался (или кто-то успел ему сказать про меня), но Анатолий первым протянул руку и уверенно воскликнул: «Сработаемся!»... Лагерь развернули в туристическом городке. Был не сезон, и на большинстве хижин висели замки. На планѐрке поисково-спасательного расчѐта я держался уверенно. Мне хорошо был знаком район, где в последний раз дал о себя знать легкомоторник политика, и все рассчитывали на быстрое завершение операции. Гадали только насчѐт причины аварии, но это была уже не моя головная боль.

Фото автора

Глава вторая

В обед наш вертолёт покинул лагерь. Шёл десятый час с момента трагедии. Густой лес не позволял разглядеть место крушения, и мне поручалось кратчайшим маршрутом довести спасателей до цели. В тот день снова лил дождь. Нас шло четверо; двое остались с пилотами, которые посадили вертолёт на ближайшей опушке и ждали сигнала.

Первые километры лес расступался перед нами. Я держал ружьё наготове, но оно не пригодилось, звери не потревожили. Помимо Анатолия в спину мне дышали двое его подчинённых: совсем ещё молодой коренастый молчун с рыжей бородкой и высокий, сухой мужчина под пятьдесят. Не помню имён этих двоих, для удобства обзову их Сухой и Рыжий. Анатолий замыкал строй.

Иногда я оглядывался на него и недоумевал. Спасатель повесил перчатки на поясной карабин и в отчаянии, вплоть до тиков на лице, поглаживал свою загадочную жёлтую ленту. Порой мне казалось, что он способен оставить нас и без оглядки уйти. Как-то я решился из любопытства подойти к нему, но Сухой пробубнил: «Не стоит!» Мы с ним вырвались вперёд, и там, вдали от посторонних ушей, мужчина всё мне рассказал.

Как выяснилось, тремя месяцами ранее в тайге пропала съёмочная группа. Её проводник вернулся домой без сил, а на расспросы о клиентах, захлёбываясь, простонал: «Медведь!» Жену Анатолия так и не нашли, как и её оператора. Отыскали плёнку с недоснятым фильмом про природу, разорванные рюкзаки да лоскут от жёлтого дождевика. С тех пор Анатолий не жил. Среди веток в лесу ему всюду мерещилось лицо супруги; когда деревья начинали шелестеть, несчастный божился, что слышит её голос. Он почти не спал, чтобы иллюзии продолжали в нём жить или же с ним умерли... Когда Сухой рассказывал эту историю, я наблюдал за Анатолием. Тот шёл в стороне, сокрушаясь о своём, но, думаю, всё слышал. Мне нечем было его утешить, я не был помолвлен со школы и не терял любимую. Я мог только отвлечь спасателя, и скоро чувство долга взяло верх над его мучительными грёзами.

В какой-то момент запахло гарью. Ветер играл, сбивая с толку, и мы пошли шеренгой. На последнем отрезке пути погода испортилась окончательно. Небо заволокли тёмно-серые тучи, и видимость упала. Не знаю, сколько бы мы блуждали кругами, если бы Рыжий не наткнулся на сломанные ветки. Он осветил фонарём макушку леса, и забивший с кроны блеск вызвал на лице парня улыбку. Легкомоторник висел на высоте трёх этажей, зацепившись задним шасси за ветви одного дерева, а носом упёршись в другое. Признаков жизни в салоне не наблюдалось. Оттуда до земли тянулся трос; под самолётом я разглядел две пары следов. Поскольку, по сведениям, на борту находилось трое, включая секретаря политика, Анатолий решил лезть вверх. Сухой только раз выругал командира за безрассудство, после чего, махнув от бессилия рукой, помог ему надеть страховочную систему.

В кабине оказался пилот. Его разбитая голова лежала на штурвале, мужчина не шевелился, но Анатолий всё равно полез за ним. Он поднёс ко рту пострадавшего осколок лобового стекла и не столько нас, сколько себя утешил: «Живой!» Аптечки и сигнального набора в кабине не оказалось. Анатолий понял, что, бросив пилота, пассажиры не удосужились даже перевязать его. Он с презрением попросил Рыжего выстрелить из ракетницы и, увидев невдалеке ответную вспышку в небе, усмехнулся. Я прикинул: нас с политиком разделяло километра четыре. Кровь, а также следы волочения или опоры на земле отсутствовали, и за уцелевшими меня отправили одного. Уже уходя, я видел, как Анатолий прицепил к себе пилота и начал спуск по тросу. Самолёт при этом не шелохнулся.

Каждую минуту в небе загоралась вспышка. Политик не жалел ракет, и скоро они закончились, до места я добрался по окликам. Не считая ушибов да выпученных от страха глаз,

беглецы были в норме. Я сразу радировал новость Анатолию, и его ответ смазлся кашлем спасённого пилота.

Политик прожужжал мне уши, пока мы возвращались к точке сбора. Он обещал одарить меня всеми благами мира, но почему подобное так забавно слышать?! Про пилота я говорить не стал, хотел взглянуть на лица тех двоих, когда они увидят его живым. Дело шло к вечеру. Дождь по-прежнему лил, но внизу это отзывалось глухим шелестом капли с крон. В какой-то момент сквозь непогоду пробился вертолётный рёв. Вскоре мне удалось разглядеть и сам Ми-8. Он завис над лесом, на борт лебёдкой поднимали корзину с человеком. По старым следам я довёл спутников до легкомоторника, но дым от фальшфейера сигнализировал нам чуть поодаль. Там раскинулось пепелище, откуда Анатолий и передал авиации пострадавшего. Поскольку места для посадки вертолётчики не нашли, остальным было велено выбирать на опушку. От такой наглости секретарь политика попытался огрызнуться, но начальник цыкнул на него и покорно поплёлся за Анатолием. Уже спустя несколько минут мы вылетели в лагерь.

Глава третья

Все сидели по обе стороны от стонущего пилота и, чтобы не видеть его страданий, смотрели в пол. Мужчина то приходил в себя, то терял сознание, однако я верил, что он ещё доживёт до седых волос. Раз продержался без нас десять часов, то обязан! На политике не было лица, – ясное дело, боялся за репутацию. Его приспешник ничего не боялся, он дремал.

Всех собак за свои злоключения та парочка повесила на неисправную технику. Всё произошло якобы незадолго до посадки: двигатель отказал, после чего легкомоторник начал падать. Над лесом пилоту удалось выровнять машину, и, срезав несколько верхушек, он посадил самолёт на деревья. Посадка выдалась жёсткой, одна из веток пробила мужчине голову. Детали своей трусости и борьбы за жизнь уцелевшие оставили при себе.

Вертолёт приземлился в лагере к шестнадцати часам. Всю славу Анатолий отдал отряду, я также поспешил уйти (пока политик отвлекал журналистов, затеряться в толпе не составляло труда). В одной из хижин устроили полевую кухню. Я умирал с голоду и не прошёл мимо. Там мы пересеклись с Анатолием в последний раз. Он какое-то время сопровождал носилки с пилотом, а девушка в платке снова рыдала у него на груди, теперь уже от счастья. Я наблюдал эту сцену, и, поймав моё любопытство, Анатолий с благодарностью кивнул.

Теперь я жалею, что не пожал ему руку, пока была возможность. Думал, ещё пересечёмся, поговорим, но... спасателя потребовали в штаб, а за мной прибыл вездеход, и нормально мы не попрощались. Так оборвалось моё участие в судьбе достойного человека. Больше жизнь не сводила нас, и всё же я не могу поставить на этой ноте точку. Об Анатолии ещё есть что сказать. Многое нужно поведать о нём, и события, которые будут описаны ниже, произошли со спасателем уже после нашего короткого знакомства. Не ищите меня в тексте, отныне я становлюсь безликим пересказчиком чужих историй. А в их достоверности меня заверяли клятвенно!

Часть вторая

Глава первая

После смерти жены из родни у Анатолия остался только дед по материнской линии. Жил старик в одном из тех таёжных поселений, названия которых не остаются на слуху. В окрестностях со времён его основания добывали руду, село жило размеренной жизнью. Наверное, так бы всё и продолжалось, если бы какой-то землекоп-любитель из местных не отыскал самородок. Слухи быстро разошлись, но Москва оставила их без внимания. Разведка золота в районе села уже проводилась и не оправдала вложений. Никто не верил в существование там промышленных запасов, однако энтузиасты не отчаивались. Местные не гнали их, поскольку старатели приносили в село деньги.

Анатолий давно обещал навестить деда, да всё откладывал. Теперь он ехал к нему без приглашения...

Стоял октябрь. После спасения политика Анатолию навязали отпуск. За выслугу его ждала ранняя пенсия, а до того спасателя планировали упрятать в контору, как говорили, для его блага. Сам виновник спора о будущем назначении не догадывался. Сообщить ему решили после отпуска, понимая, что будут возражения.

Короткой дороги к родственнику Анатолий не знал, да её попросту не было. После посадки в одной из алданских периферий, на востоке улуса, добраться до села можно было только по реке – и то с пересадками. Но Анатолию повезло дважды: сначала ему встретился буксир, сплавляющий лес сразу через три пересадочные точки, а затем якут дядя Паша, не забывающий добро.

Познакомились эти двое прямо на реке, когда дядя Паша не от хорошей жизни посадил свой «кукурузник» на воду. У него был диабет. Мужчина откинулся на спинку кресла, ватными руками полез в бардачок, но вытащил их оттуда с ироничной ухмылкой. Перед вылетом он забыл пополнить запасы сахара и теперь умирал. Молиться дядя Паша не умел, поэтому стал проклинать себя. Краем глаза он видел плывущие на него брёвна и готовился быть погребённым под ними, как вдруг на подножку самолёта вскочил Анатолий. Упёршись спиной в фюзеляж, спасатель стал отталкиваться от потока древесины. У него получилось, но пилот уже не различал происходящее. Он мог лишь тянуться к поблёскивающим в бардачке ампулам с глюкозой, и Анатолий всё понял.

Течение было слабым, а невозмутимый капитан буксира благополучно провёл лес мимо самолёта. Он сигнализировал Анатолию, но тот махнул ему, веля плыть своей дорогой.

Когда им ничего не угрожало, спасатель потеснил дядю Пашу и, сев за штурвал, положил его голову себе на колени. Затем он вколол мужчине глюкозу и стал ждать. Лекарство подействовало быстро. Спустя несколько минут на округлое лицо дяди Паши вернулся румянец, а его маленькие чёрные усики перестали вздрагивать от вздохов. Он приосанился и, осмотрев пустынные берега реки, с изумлением обратился к спасателю:

– Откуда ж ты взялся, дух Алдана?

Анатолий хмыкнул. Он остался без транспорта и, не стесняясь, намекнул на это якуту:

– Тебя ждал. Думал, до Учурского хребта меня докинешь, к селу!

– До хребта могу, а дальше сам иди. Отшельник там живёт, у него лодка. Заплати и плыви с Богом. Сам я геологам оборудование везу, не по пути нам, – дядя Паша пересадил Анатолия на пассажирское место и запустил двигатель. Он ещё не окреп, но, подышав в открытую дверь, решил взлетать...

Его не всегда звали дядей Пашей. В молодости якут был одним из тех безымянных работников, которые отзывались на команды «подай-принеси», однако такая жизнь оленеводу Павлу Сахатову быстро опротивела. Он всё бросил и ушёл в армию, откуда старшим сержантом попал

на Кавказ. После Афганистана ему дали вольную; к первой чеченской кампании попытались вернуть в строй, но списали из-за диабета. К тому времени, помимо болезни, Сахатов обзавёлся семьёй. Рискованные приключения остались для него в прошлом; теперь мужчина имел график вылетов, льготы и стабильность...

Анатолий всего этого не знал. Он смотрел в иллюминатор, думал о своём и иногда улыбался, когда дядя Паша пел хиты, принесённые в Алдан прогрессом. Спасатель не заметил, как уснул. Разбудила его тряска при посадке, и синее прежде небо уже пестрело красками заката. Сел дядя Паша на воду, в районе опушки, где ему сигнализировал костёр.

Там, на левом берегу реки Учур, стоял лагерь геологов. Самолет встречали всей группой – вшестером. Анатолия дядя Паша никуда не отпустил, велел ждать утра. Он поручил его досуг двум молодым геологам, и те сразу засуетились не то от удивления, не то по воспитанности. Видя такое послушание, якут заважничал. Самодовольство шло его лицу, но начальник экспедиции, худощавый, обросший мужчина с красными глазами, не церемонясь, испортил пилоту настроение:

– Дядь Паш, час твоё величество ждём, ужинать не садились! Партии на тебя нет. Раньше, как штык, минута в минуту был на месте. Портишься, одним словом, – мужчина поднёс к лицу инвентарный список и, шурясь, полез в самолёт.

– Виноват, Артём Данилыч, обстоятельства... – дядя Паша замолчал. Он ждал расспросов по поводу своего опоздания, но за разгрузкой новой радиостанции и ящиков с продовольствием про него забыли. О приступе геологи не узнали: Анатолий взял вину на себя, сказав, что пилот сбился с графика, выручая его. Соврал он наполовину, но дядя Паша облегчённо вздохнул.

Посиделки возле костра затянулись до первых звёзд. У геологов был праздник: к ним прилетела провизия. Половина выпивки кончалась в первую же ночь, остальное прятали на «лечение» и обмывку важных открытий. Закуску, наоборот, сэкономили, довольствовались ухой, заедая её свежими лепёшками. В конце жевали консервированные фрукты, большую часть которых отдавали молодым.

Несмотря на октябрьскую прохладу, мужики сидели по пояс раздетые. Их спины были рельефными от кирки и лопаты, на плечах белели полосы от лямок. Все тогда мечтали о женщине, и чем сильнее геологи пьянели, тем лиричней становились их песни.

Дядя Паша пил мало. Он смотрел на костёр и бросал в него хлеб, чтобы задобрить духов. Остальные ритуалу не противились. Они завидовали вере, где, отдавая крохи, получаешь весь мир, тогда как их кумир требовал отдачи, а вознаграждал богатствами, которые принадлежали другим. Анатолий не пил вовсе. Он за компанию налил себе кружку и смачивал в ней губы, которые потом щипало, болью отгоняя сон. Спасатель боялся спать. С каждым днём ему всё сложнее было вспомнить лицо жены, а он хотел страдать.

Геологи разошлись без прощаний, по одному; дядя Паша ушёл ночевать в самолёт. Анатолий несколько секунд просидел один, однако заметил это лишь тогда, когда его руку лизнул сторожевой пёс. Зверь был беспородный, лохматый, с умными глазами – обыкновенная дворняга. Но Анатолий за то его и полюбил. Он приласкал пса, и эти двое уже не чувствовали себя одинокими на чужбине.

Ночь стояла ясная. Сырые дрова сильно коптели, а запах хвои стискивал дыхание. Вниз по реке мерцала жёлтая точка. К ней тянулись следы вдоль берега, и Анатолий угадал в огоньке хижину отшельника, о котором упоминал дядя Паша. Берег был каменистым, мокрым, влага поблёскивала под луной. Различая дорогу, спасатель не в шутку пробубнил псу: «Кто-то нас ждёт там». Он почти решился идти к хижине и будто ждал одобрения, но животное лениво зевнуло, завалилось на ботинки Анатолия и заскулило... На дне котелка ещё оставалась уха. Юшку мужчина выпил, а рыбу отдал компаньону, отделив её от костей. Пока пёс ел, он сходил на реку, набрал в котелок воду и поставил его откисать.

Скоро очаг отшельника погас. Угасал и костёр Анатолия, но спасатель забросал его ветками, что периодически делал до самого рассвета.

А пёс геологов ёжился у него в ногах и дрожал. Не от холода – от счастья.

Глава вторая

Дядя Паша проснулся от стука и неохотно провёл ладонью по запотевшему стеклу. На улице ему улыбался Анатолий с уже собранным в дорогу рюкзаком. Убедить его остаться на завтрак якуту не удалось. Спасатель кивнул в ответ на напутствие: «Не переломай на камнях ноги!» – и был таков.

Пёс геологов не хотел его отпускать. Он брёл следом, лаял, и в итоге животное посадили на цепь. Анатолий напоследок шепнул ему что-то, погладил по носу, а затем без оглядки ушёл.

До хижины отшельника он добрался за час. Из трубы валил дым, но дома никого не было. Анатолий постеснялся заходить внутрь и решил дожидаться хозяина во дворе. Поскольку на буржуйке что-то варилось, он не рассчитывал потратить на это много времени. Так и получилось. Спасатель не успел приструнить хозяйских собак, как у хижины объявился длинноволосый седой старик. На нём были шерстяное трико, ушанка с разведёнными в стороны «ушками» и тёплая жилетка того образца, который Анатолий заметил на геологах. Шёл отшельник вальяжной трусцой, с промывочным лотком под мышкой, присутствие чужака его не смущало.

Во дворе этого человека стояло много современного оборудования вроде бензопилы и генератора. Обратив на это внимание, Анатолий понял, что к гостям отшельник привык. До встречи лицом к лицу старик избегал его взора. Он свистел себе под ноги, а при рукопожатии уставился на спасателя с безразличием. Анатолий заговорил первым. Отвечая на холодность немногословием, он сразу спросил хозяина про лодку, на что получил приглашение в дом. Лоток старик не прислонил к стене, где стоял другой инструмент, а обозлённо швырнул.

Он не оценивал свои услуги определёнными рамками, – отшельник ждал, пока клиент сам начнёт торг. С такой тактикой он всегда оставался в выигрыше: новички предлагали больше, чем нужно, а прожжённые счетоводы заглядывали к бирюку нечасто. Обычно обменивались товаром на товар. У Анатолия были деньги, но импортный нож – давний подарок от коллег – занимал в его рюкзаке много места. Отшельник посмеялся качеству лезвия, однако ручка из крокодиловой кожи его соблазнила. Мужчины отплыли после кружки медовухи. Как бы Анатолий ни отмахивался, хозяин настоял, сказав, что она на удачу.

До села было тридцать километров по течению реки. Стояли первые морозы, и трава белела от инея. Гребли по очереди: на спокойной воде – Анатолий, на порогах его заменял лодочник. Однажды в пути им встретилось семейство медведей.

Там, на берегу, кроной в воде лежало засохшее дерево. Медведица дремала на камнях, а двое её медвежат носились по стволу, то вгрызаясь в сучки, то вступая друг с другом в борьбу, пока один из них не падал в воду. И тогда мать рычала на победителя, после чего тот без пререканий прыгал следом за побеждённым. При виде людей медвежата испуганно поплыли к берегу. Медведица заревела, задрав морду, но лодка пронеслась мимо, и вскоре встревоженная мать забыла про её существование. Она закрыла глаза и от фырчанья прильнувших к ней детёнышей словно улыбнулась...

Шум с рудников извещал о цивилизации за несколько километров, на близость села же указывал только ветхий причал с тянущейся от него в лес тропой. Там лодочник не повернул назад, а вызвался довести Анатолия до места. На это уговора у них не было, но отшельник вдруг вспомнил, что ему нужно отовариться.

Заиндевелые листья хрустели под ногами. Сельские собаки издали узнавали о гостях и бесились, пока те не успокаивали одну из них. Стоило животному замолчать, утихали и остальные.

На чужаков местные не обращали внимания. В тех, чьи лица горели азартом, они узнавали новоприбывших, а угрюмые мины указывали им на отчаявшихся беглецов. Спутника Анатолия селяне хорошо знали и кивали ему с какой-то сочувственной ухмылкой. Вскоре муж-

чины разделились. Отшельник прибил к компании двух гуляющих женщин; спасатель пожал ему руку и ушёл своей дорогой.

Он не видел деда четыре года, поэтому с трудом нашёл тропу к его дому. Собственно говоря, её не было. В лачуге с покосившимся забором Анатолия никто не встретил. Входная дверь была припёрта вилами, а в единственном окне не горел свет. Спасатель испугался. Он машинально посмотрел в сторону окраины, где стояло кладбище, но не успел додумать скорбную мысль. Без оклика ему в спину ударил монотонный голос: «Дед Рома теперь у кума живёт, вон в том доме, где петух на заборе. А сейчас он со старателями в столовой». Оглянувшись, Анатолий увидел худошавую, с отрешённой улыбкой, старушку. Она покачивалась над галдящими у ног гусями, опиралась на трость, такую же старую, как она сама, и Анатолий обнадёженно вздохнул.

Селянка оказалась права, он нашёл деда в столовой. Под одобрительные возгласы старик прибывал к стене вешалку. Сил в руках уже не было, но молоток он не бросил до победного конца. Облысевший, с густыми бровями, в колючем, жёстком костюме, старик по-ребячески удивился своей удали, и Анатолий, поддакивая, обнял его.

Роману Васильевичу было девяносто. Память ему пока не изменяла, но он неохотно признал в поседевшем, исхудалом прищельце внука. Про смерть его супруги старик не знал. Он первым делом спросил о ней, на что Анатолий ответил, не задумываясь: «Ждёт теперь меня, соскучилась». В горле у спасателя застрял ком, однако Роман Васильевич давно разучился подмечать детали. Мужчины прошли к свободному столу, усадили друг друга и с неловкостью усталились на скатерть.

Несколько секунд они молчали, каждый о своём: Анатолий поглаживал на запястье всё ту же выцветшую жёлтую ленту, а старик угадывал, с какой стороны подойти к внуку с вопросом о ней. В конце концов, решился, да промахнулся с догадкой. Не было у Анатолия ни маленькой дочки, ни тоски по дому. Была пустота в душе, но спасатель об этом не сказал: не хотел расстраивать деда.

Тем временем за соседним столом бурлила потасовка. Поссорились из-за пустяка: один старатель пролил водку мимо стаканов приятелей. Уладила конфликт кассирша. Она рывкнула из своего окошка, и мужики, наперебой хваля её роскошную сивую косу, поостыли. В последующие минуты каждый из пьяниц соблазнял ту накрашенную толстушку непристойностями. Кассирша отмахивалась. Она набивала себе цену, чем пополняла кассу за счёт угодливых кавалеров. Не пресмыкался перед ней только Анатолий, что оскорбляло женщину. Она нарочно начала любезничать со спасателем, и её поклонники не оставили это без внимания.

Когда Роман Васильевич повёл внука домой, старатели пошли за ними. Неподальёку от столовой они дали о себе знать. Тот, что был пьянее, принялся учить Анатолия этикету, но спасатель, безразлично кивнув в ответ на услышанное, продолжил путь. Тогда пьяница схватил его за воротник, достал нож и... он не успел погрозить им, как лезвие отлетело в сторону, отломленное пулей.

В первые секунды после выстрела время на площади остановилось. Люди замерли в осмыслении произошедшего; Анатолий закрыл собой деда, но, разглядев стрелка, выпустил родственника из объятий. Там, за пределами толпы, с ружьём наготове стоял учурский лодочник. Он плюнул себе под ноги, поправил приклад, правда, до второго выстрела дело не дошло. Кто-то из зевак крикнул ему: «Полегче, Вик, в дураков не шмаляют!», на чём и порешили. Отшельник был в хорошем настроении. Рядом с ним стояли сани, набитые продовольствием и боеприпасами, на привязи сопели два лайчонка. Он пообещал Анатолию вернуться за ним спустя две недели, после чего ушёл. Высмеянные зеваками, покинули площадь и зачинщики ссоры. Про спасателя они не забыли, буркнули ему: «Увидимся!» – но их уже никто не слушал. Все глядели вслед уходящему лодочнику, а тот же голос из толпы шутил: «Старик ещё своё слово скажет, этот смогёт!»

Глава третья

Виктор Гаврилович Мухортов приехал в Алдан в середине семидесятых. Надоумили его тюремный срок за кражу и год в компании сокамерника, который бредил идеями о золоте. Тот мужчина божился, что нашёл на реке Учур самородки. Зарыв их во время облавы, он не терял надежды вернуть утраченное, но до освобождения не дожил. Перед смертью уголовник взял с Мухортова слово завершить начатое им дело. Виктор Гаврилович не подвёл. Он поселился на реке, где барыжничал, искал тайник сокамерника и никого не трогал. Год за годом. Мужчина не заметил, как в лишениях и неудачах пролетели тридцать лет его жизни. За всё это время он не нашёл ни одного самородка, но остановиться уже не мог. Иногда по ночам Мухортова мучила бессонница. Прошное давало о себе знать, и он допоздна перебирал письма, которые ему после школы строчила воздыхательница. Он читал их фрагментами, а затем с тоской смотрел на пламя керосинки и гадал, нашла ли та девушка счастье после его отказа и какой стала. Мухортов молился за неё. Ему хотелось выпрашивать ей счастье у Бога, теперь это было для него единственным утешением. Он упустил любовь по легкомыслию, а к старости остался один. И даже его имя в документах стёрлось от времени: вместо Виктора значился Вик...

Уже смеркалось, когда Роман Васильевич усадил внука за стол. Хозяин дома отсыпался после смены на рудниках, и Анатолий с ним не познакомился. Он устал не меньше, но не хотел обижать деда – тот готовил для него ужин: подогревал похлёбку да дрожащими руками вытаскивал из закромов сухари. Себе старик тарелку не поставил, он дожид до тех лет, когда голод мало волнует плоть. Отужинали молча, с редкими замечаниями о погоде и планах на зиму. Мороз уже установился. В каждом дворе дровницы были набиты чурбанами, а топоры стояли наточенными; промысловики уже завезли в избушки оборудование, провизию, подготовили капканы. Снега толком не было, отчего холод ощущался в разы сильнее.

Роман Васильевич уложил внука ближе к топке, но сквозняк доставал его и там. Сам старик взобрался на печь, где, наоборот, охал от жара. Глядя на деда, Анатолий улыбался. Ему было хорошо. Снег валил за окном, заглушая вой сельских собак, и мужчина наверняка вспомнил тогда пса геологов. Он сладостно наморщился при тех мыслях и впервые за много ночей не поцеловал правое запястье. Не успел: уснул, едва закрыл глаза.

Хозяйская кошка то и дело приходила подремать рядом с ним. Она не будила спасателя, хотя Роман Васильевич всякий раз прогонял её. Старик смотрел на внука теми же безмятежными глазами, что и двадцать или тридцать лет назад. Его сон был прерывистым, столь же беспокойным, как беспокойно кружился на улице снег. За окном начиналась зима.

Фото автора

Глава четвёртая

Анатолий проснулся от бьющего в глаза солнца. Небо было синее, редкие порывы ветра сдували с крыш сыпучий снег. Спасатель ещё не стянул с себя одеяло, когда в комнату вошёл хозяин дома, средних лет конопатый брюнет с волосатыми руками. Он взял со стола банку рассола и, отхлебнув из неё, лениво процедил: «Будем знакомы. Миша». Руку он не протянул, а быстро оделся и ушёл. В сенях мужчина ещё долго скрипел половицами, расхаживая и разнашивая одеревеневшие валенки. Анатолий секунду посмеялся этому, но потом шорохи из-за печи перетянули его внимание. Там, поднося к свету старые фотографии, вздыхал Роман Васильевич. Иногда он подолгу всматривался в пожелтевшие лица и не мог вспомнить, кто глядит на него из прошлого. Одна фотография особенно озадачила старика. Чумазый мальчишка на ней стискивал в объятиях такого же неряшливого щенка, и Анатолий улыбнулся, узнав на снимке двенадцатилетнего себя. Дед с ним не согласился:

– Как же ты отца не узнаёшь? Это мы его после охоты щёлкнули!

– Это вы меня щёлкнули, когда домой из леса вернули!

Роман Васильевич задумался. Перед его глазами пронеслись ярмарка, золотая осень и тряска монет в кармане, после чего старик воскликнул:

– Это когда мы возвращались с торговли, у нас ещё сломалась телега, да?

– Не сломалась, просто дерево упало поперёк дороги, и вы с отцом пошли разгрести завал. С нами был лайчонок, до которого на ярмарке очередь не дошла. Вы разрешили мне его оставить, а я сплеховал...

– Щенок сбежал, пока ты его к ручью вёл, точно помню!

Анатолий кивнул и продолжил:

– От этой трагедии вы с отцом не огорчились. «Его потому и не стали покупать, что от хромой собаки в тайге нет проку», – так вы меня утешали.

– А ты поутру ушёл искать того щенка, – Роман Васильевич усмехнулся. – Упрямый даже в детстве был... приладил моего коня к повозке – и в лес. Отец за тобой на своих двоих помчался, как только понял, в чём дело. Догнал, стало быть?

– Догнал. Я щенка нашёл у того же ручья, в заброшенной норе. Мы бы и сами вернулись домой, да на нас вепрь из леса как попёр! Конь с упряжи сорвался, а мне что делать?! Я лайчонка за пазуху – и на дерево. Ладно, что хоть помощь подоспела, – на секунду Анатолий смутился, а его деда это только раззадорило:

– Ох, до чего же отец был горд тобой! Как вернулись, он всем тебя в пример ставил, а ты что же – щенка обнял да в слёзы, тут-то газетчик и подоспел с фотоаппаратом.

– Как там было сдержаться, когда конь сам домой прискакал, а уши ты мне уже открутил за него, – Анатолий рассмеялся, но, взяв у деда фотографию, холодно отрезал: – Щенок-то в упряжке бегал, когда подрос. Пока волки не загрызли. Вот она, доля собачья...

Роман Васильевич на это промолчал. За окном уже рассвело, и старик, отложив фотоальбом, решил завтракать. Стол он опять взял на себя, а внука, чтоб не лодырничал, отправил чистить во дворе снег.

Зиму Анатолий почувствовал ещё в сенях: не занесённая с вечера обувь была холодной и колом торчала на ноге. На улице же слепило солнце, и там мороз ударял только по зубам, которые с непривычки ломило. Анатолий не курил, поэтому, сомкнув губы, сразу взялся за дело. Ещё не затвердевший и не слипшийся снег легко поддавался его сильной руке, мужчина не успел устать. К его возвращению в дом самовар уже закипал. На столе нагоняли аппетит земляничное варенье и блюдце с сушками, на которые Роман Васильевич с досадой шамкал почти голыми дёснами. Он снова ничего не ел, а только пил чай, охлаждая его оледеневшими ягодами из банки.

После работы Анатолий раскрепостился, и дед без труда навязал ему свои размышления. В часе езды от села стояла лачуга шамана-знахаря, которому местные раз в неделю доставляли гостинцы. В тот день для подобной цели снаряжалась повозка, и Роман Васильевич уговорил Анатолия ехать. Он чувствовал, что внуку не помешает разговор с шаманом, хотя на словах послал его просто «развезаться».

Глава пятая

Молодой извозчик, которого снарядили в путь, без умолку болтал, от него несло перегаром. Он с ветерком подгонял лошадей, и Анатолий всю дорогу протрясся в телеге, вцепившись в борта. У сменившего редколесье бора экипаж встал. Дальше лошадям проезда не было, и доставку посылки для знахаря извозчик поручил Анатолию. Чуть поодаль лес позволял проехать телеге до самого места, однако парень не забыл, за какую услугу Роман Васильевич сунул ему в карман деньги. Он остался с лошадьми и скоро потерял спасателя из виду.

В бору пахло осенью. Недавний снегопад не просочился в чащу, и на чёрной земле желтели иголки. Мешок с провизией был забит под завязку и цеплялся за сучки, как бы Анатолий его ни перехватывал. С пути он не сбился: протоптанная ещё по грязи тропа вела точно к лачуге знахаря.

Вместо гостеприимства спасателя встретил там собачий лай. Упряжка с тремя лайками стояла у самого порога, на поручне саней висело ружьё. От начавшейся суеты пол в лачуге закрипел. Внутри было темно, и Анатолий не разглядел прильнувшего к окну человека. Он ожидал встречи с хозяином, но когда дверь приоткрылась, оттуда засверкали плутоватые глаза Вика.

Интерес к визитёру скоро покинул отшельника, он забросил на сани скрученный ковёр, пару новых унтов и, не дожидаясь расспросов, пробурчал: «Умер знахарь, дня три как, может, и больше. Утром схоронил его». В лачуге было много безделушек, стоимых денег. Лежали там и бусы из драгоценных камней, и ритуальный наряд из соболиного меха – всего Анатолий разглядеть не успел. Вик вывел его на улицу, обложил койку знахаря соломой и поджёг. Хижина полыхнула быстро. Сухие брёвна разразились треском, который пугал лаек, но несколько не смущал самого Вика. Тот стоял у порога, крестился и ненаигранно молил Бога о прощении. Анатолий видел на щеках старика слёзы, поэтому не вмешивался в его безумие. Он увёл собак к деревьям, на что их хозяин фыркнул, с силой захлопнул уже закоптившуюся дверь и пошёл к упряжке. Спасателя он будто не замечал, хотя продолжал отвечать на его непрозвучавшие вопросы: «Много лет были знакомы... пусть никому его жизнь не достанется... умер знахарь, так в селе и передай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.